

П. Г. Курлов, заместитель главы полиции М. Н. Веригин, начальник охраны царской семьи полковник А. И. Спиридович и другие) обязаны были принять и принимали в дни торжеств особо тщательные меры безопасности. И всё же...

Неожиданно к Кулябко явился интеллигентный молодой человек в очках-пенсне, Кулябко знал его как агента «охранки» под именами «Алянский» и «Капустинский», но примерно с 1910 года отошедшего от агентурной работы. Кулябко, конечно, знал и то, что пришедший к нему молодой человек в действительности был Дмитрием Григорьевичем (Мордехаем Гершковичем) Богровым — сыном очень известного адвоката, домовладельца, одного из богатейших людей Киева. А его брат — врач — награждён Анненским оружием «За храбрость» и орденами. Их дед приобрёл известность как еврейский писатель, творивший с ассимиляционных позиций.

Дмитрий Богров учился на юридических факультетах Мюнхенского и Киевского университетов, стал помощником присяжного поверенного (адвоката). Ещё в 1906 году примкнул в Киеве к группе анархистов-коммунистов. Но вскоре его декадентски неприкаянной натуре показалось там «пресно», а он искал чего-то сильнодействующего, будоражащего. В конце 1910 года Богров писал родным: «Всё мне надоело и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное». И в другом письме: «Жизнь неинтересна. В ней нет ничего, кроме множества котлет, которые мне предназначено съесть...»

По одной версии, добровольно, по другой — после ареста и вербовки Богров был «заагентурен» и стал работать на «охранку» как провокатор и осведомитель. Трудно сказать, что конкретно заронило в голову Богрова мысль о покушении на Столыпина. Уже будучи арестованным, он утверждал, будто бы думал об угнетённом еврейском народе, а Столыпина считал вдохновителем реакции. (Должен уточнить: именно Столыпин ставил перед царём вопрос об уравнении евреев в правах.) Но причина, скорее, была другая, куда более прозаическая: в 1910 году в революционной среде Богрова, по слухам, заподозрили в провокаторстве, и он рассчитывал «отмыться», совершив крупный теракт.

Однако до сих пор бытует и иная версия. Согласно ей, убийство, произошедшее в Киевском театре, — результат заговора «охранки» и некоторых представителей крайне правых сил. В исто-

рии убийства Столыпина действительно немало невыясненных моментов. Но Столыпин тут не одинок. Вспомним хотя бы убийства Сергея Кирова или Джона Кеннеди... Определённо доказать «охранную» версию убийства Столыпина пока не удаётся.

Столыпин приехал в Киев 27 августа. И вскоре Богров пришёл в киевскую «охранку» к Кулябко и другим деятелям «охранки» и сообщил им ладно скроенную историю: из Кременчуга в Киев прибыли некие Николай Яковлевич и Нина Александровна для организации покушения на Столыпина, а возможно, и для цареубийства. Оба террориста будут у Богрова на квартире. Террористический акт возможен в городском саду или в театре. Богров просил Кулябко выдать ему театральный билет, чтобы помочь арестовать террористов.

Конечно, не очень ясно, почему такой жандармский «зубр», как полковник Кулябко, на слово поверил Богрову? Почему не счёл возможным схватить Николая Яковлевича и Нину Александровну у Богрова? Выдачу билетов контролировали киевский губернатор А. Ф. Гирс, а в первые ряды партера (для особо важных персон) — лично Курлов. Он-то и разрешил Кулябко выдать билет Богрову. (Некоторых историков этот факт тоже наводит на мысль о возможности анти-стольпинского заговора в «охранке».) На следствии Кулябко утверждал, что он видел в Богрове ценного агента. Так или иначе, а билет на оперу «Сказка о царе Салтане» оказался у Богрова в кармане...

Убийство Столыпина нанесло реформаторской политике тяжёлый удар. В стране не было государственных деятелей, способных и желавших продолжать столыпинскую политику модернизации. Мощный импульс, заданный ей великим реформатором, слабел и исчезал. Бывший министр внутренних дел, противник Столыпина П. Н. Дурново говорил: «Возможно, и я чем-то виноват перед Столыпиным, но, по крайней мере, наступит конец всем реформам».

А через три года Россия втянулась в мировую войну, чего так опасался Пётр Аркадьевич Столыпин. Перед страной вновь открылся революционный путь — путь для «России Ленина». Но это уже другая история.